

Пролог

По недавно отремонтированной, ровной и гладкой дороге друзья домчались до аэропорта Шереметьево-2 на удивление быстро. Сергей, с детства слышавший большим пижоном, вел свой новый красный «БМВ» с нескрываемым самодовольством и то и дело сыпал шутками; Антон же все больше отмалчивался, он курил сигарету за сигаретой и, глядя в окно на пробежавшие поля, думал о своем пятилетнем сыне. Антон впервые расстался с мальчиком и был не уверен, что Костик перенесет разлуку легко и безболезненно...

Автомобиль играючи выдавал свои коронные сто сорок километров в час, однако в его комфортном салоне почти не ощущалась такая невероятная даже для московских дорог скорость. Молодые люди не успели оглянуться, как центр города остался далеко позади.

Февраль выдался в столице теплым, пасмурным. С утра шел дождь, а к вечеру подморозило, и красная машина легко неслась по тонкой ледяной корке шоссе. Извечные лужи

куда-то подевались, и друзья лениво замечали вслух, что столичная слякоть скорее возникает не от потепления, а от той самой соли, которой, вопреки запрету московских властей, упорно посыпают улицы... Сергей привычно трепался о работе, общих знакомых. Антон же задумчиво созерцал нечеткие контуры темного мокрого леса, размытую даль полей, тонкую сетку февральского дождя — точно пытался запомнить этот пейзаж, с которым расставался как минимум на полмесяца, — и сердце его, вопреки всем доводам рассудка, сжималось от бессмысленной, ничем не объяснимой, но такой острой тревоги.

Самолет из Парижа в Пекин, транзитом следовавший через Москву, вылетал поздно ночью. Рейс был выбран Антоном по совету Сергея. Приятелю не раз приходилось бывать в Китае — в детстве он летал на каникулы к отцу-дипломату, когда стал старше — на студенческие стажировки и, наконец, уже по собственным служебным надобностям, на работу — в Пекин, в российское посольство.

Ранний зимний закат окрасил низкое пасмурное небо в розовато-лиловые тона. Голос Сергея звучал не переставая, и Антон, чтобы заглушить беспричинную тоску, которая грызла его все последние месяцы, попытался сосредоточиться на наставлениях друга:

— В самолете народ будет разный, Антоша, но ты не тушуйся; в основном всем спать захочется, и ты спи —

ночь ведь. Садись, куда посадят, насчет проставленного в билете места не упирайся. Рейс у тебя надежный, экипаж китайский, все будет отлично. И не стесняйся брать напитки, когда стюардессы будут разносить. Это бесплатно. Если захочешь, можешь купить у них же чего-нибудь покрепче. Понял?

— Понял, — эхом откликнулся Антон.

Сергей наставительно продолжал:

— Как выйдешь из самолета и доберешься до телефона — сразу позвони. Ты же знаешь, я не успокоюсь, пока не услышу, что у тебя все нормально...

Еще со школьных лет у Сергея выработался покровительственный тон в обращении с Антоном. Уверенный в себе, всегда безукоризненно и дорого одетый, этот темноволосый красавец не случайно был лидером и заводилой в их компании. Только... Антон посмотрел на приятеля, а потом снова бросил взгляд на дорогу. Заводилой-то, несомненно, был Серега, но Светка почему-то выбрала в мужа его, Антона... Когда-то это казалось ему наивысшим счастьем. А теперь...

— Мечтайте осторожнее: мечты имеют обыкновение сбываться, — неожиданно для себя самого пробормотал Антон вслух.

— Ты что-то сказал? — мгновенно откликнулся Сергей.

Антон резко покачал головой:

— Нет. Ничего.

У шлагбаума Сергей заплатил за проезд в зону аэропорта — это было новое для Москвы, уже постсоветское «завоевание» российского капитализма, — и приятели поехали к месту парковки.

Командировка Антона в Пекин была ответственным мероприятием для обоих. Но Антон, как главный в их команде, сначала должен был посетить Китай один. Ему, молодому доктору наук и ведущему российскому специалисту в области инновационных биотехнологий, нужно было представить китайским партнерам фирму с научной стороны, посмотреть лаборатории и познакомиться с условиями работы. А через неделю, на завершающей стадии подписания контракта, к Антону уже планировал присоединиться Сергей. И тогда уже они решат остальные, не менее важные вопросы, связанные с финансовыми условиями сотрудничества. Впрочем, в прибыльности затеянного дела можно было не сомневаться — контракт с известной китайской фармацевтической фирмой просто по определению не мог быть невыгодным.

Антон вынул из багажника небольшой новенький чемодан и портплед с пиджаками. И к чему столько одежды, с досадой подумал он. Портплед Антон взял опять же по настоянию друга. Его бы воля, он бы точно отказался от всей

этой кучи ненужных вещей! Но ничего не поделаешь — деловой визит.

Беззлобно чертыхнувшись, Антон попытался удержать в руках нетяжелый, но громоздкий багаж и еще раз произвольно вздохнул. Да уж, будь его воля, он бы точно полетел в Китай с обычным рюкзаком! А что? Удобно и без проблем — засунул в верхний шкаф над сиденьем в самолете, и все дела. Потом не пришлось бы ждать выдачи багажа, время тратить... Однако ничего не попишешь: положение обязывает. Вступаешь в мир большого бизнеса, изволь соответствовать.

Не торопясь, молодые люди прошли через автоматически разъезжающиеся стеклянные двери. Голос из динамика тонул в гудении огромного зала. На большом табло в строке рейса компании «Чайна лайн» уже светилась пометка о начавшейся регистрации.

Друзья попрощались перед заграждением у таможенного поста. Сергей долго жал приятелю руку, хлопал по плечу и торопливо давал последние советы, смешно причмокивая. Пожалуй, это был единственный внешний недостаток Сергея — недостаток, который ему так и не удалось изжить: когда Сергей начинал волноваться, он всегда смешно причмокивал.

Пожелав наконец друг другу ни пуха ни пера, приятели расстались. Сергей остался ждать у ограждения, а Антон,

миновав таможенников, быстрым шагом направился к стойке регистрации.

Ему предстоял долгий беспосадочный перелет: до Пекина, считай, почти восемь часов. Антон удобно устроился в кресле и постарался расслабиться. День был суетным, хлопотливым, но он, к счастью, уже заканчивался.

Антон мысленно перенесся домой. Костик и Настя наверняка сейчас ужинают. Сын рассказывает, что нового произошло у него в саду, что сделал или сказал его друг Ваня и какую башню они построили из кубиков. Антон улыбнулся, представив, как Костик забавно разводит в сторону руки и тянет: «Во-о-от такую широченную и высоченную!» После ужина сын еще немного поиграет перед сном, пока Настя моет посуду и убирает на кухне, а потом ляжет спать. Настя посидит рядом с его постелькой, почитает сказку, пока он не заснет, и... Неожиданно Антон поморщился, нет, все-таки скверно, что он разлучился с сыном. Настя, без сомнения, справится со всеми обязанностями — Костик уже большой, а она девушка ответственная, — но все равно это непорядок.

Антону досталось кресло в хвосте самолета. «Боинг» надсадно гудел, набирая высоту. Тяжелая пряжка ремня безопасности холодила кожу живота сквозь тонкую ткань рубашки. Антон знал, что его ждет напряженная и нервная

неделя; надо было выспаться, чтобы утром, после ночного перелета, сразу приняться за дела.

Прикрыв глаза, он вслушивался в журчащую по соседству незнакомую речь. Его попутчики в основном были китайцы, возвращавшиеся домой. Молодежь студенческого вида, бизнесмены — люди молодые, но солидные, степенные семейные пары...

Антон подозвал стюардессу и попросил не будить его, когда станут разносить ужин или напитки. Девушка озабоченно посмотрела на Антона, затем на номер кресла, доброжелательно кивнула и ушла. Антон снова закрыл глаза, устроился поудобнее в кресле, расслабился и провалился в глубокий сон.

Проснулся он оттого, что машину сильно потрянуло. Антону показалось, что самолет пошел на посадку. Так оно и было: ровно гудя, мощная машина начала снижаться, преодолевая густое молоко плотных облаков, — над Пекином стоял сильный туман, погода оказалась пасмурной. Вдруг раздался мощный грохот, от сильного удара распахнулись дверцы верхних шкафов, и на пассажиров посыпалась ручная кладь. Антон рванулся с места, чтобы посмотреть на кабину пилота, однако ремень безопасности резко ограничил его движения. Попытавшись отстегнуться, Антон схватился за пряжку, но в этот момент его стукнуло по голове

чем-то тяжелым, в глазах потемнело, и сознание отключилось.

Самолет не долетел до китайской столицы всего пару десятков километров. При снижении машина врезалась левым крылом в гору и стала падать. Вспыхнули баки с топливом. «Боинг» развалился на несколько частей; его нос врезался в землю. Отколовшийся хвост лайнера падал отдельно от других частей машины, и мощные кроны старых сосен смягчили его удар.

От пожара в самолете погибли почти все — стюардессы, члены экипажа, пассажиры первого класса, пассажиры бизнес-класса. И лишь четверо путешественников из эконом-класса, которые сидели в самом хвосте, остались живы: огонь, видимо, был сбит сильной струей воздуха при падении хвостовой части.

Среди четверых выживших пассажиров оказался и Антон. Его место было справа, в самом конце самолета. После удара по голове тяжелым кофром Антон потерял сознание и так и остался сидеть в кресле, пристегнутый ремнем безопасности. Обожженными у него оказались лицо, грудь, руки и ноги... Спина, как ни странно, совсем не пострадала. В том же ряду, что и Антон, у окна сидела молодая китайская пара — беременная женщина и ее муж; они тоже выжили, хотя и находились в тяжелом состоянии. Четвертым уцелевшим был полный мужчина средних лет.

При ударе о землю его выбросило из кресла, и он получил такое количество переломов, что спасатели с трудом смогли переложить пострадавшего на носилки, опасаясь за его жизнь.

* * *

Трагическое известие, переданное всеми новостными программами мира, пришло в Москву к вечеру следующего дня. Однако список погибших российских граждан появился в китайском посольстве в Москве лишь через трое суток; Антон среди них не числился. Для родственников, коллег, партнеров и друзей Антона это означало безумную, почти несбыточную, но все же надежду — он жив.

Пациентам дорогой частной клиники, в которой лечился отец Антона, было разрешено смотреть вечерние новости. Как только закончился сюжет про авиакатастрофу в Китае, Николай Васильевич Житкевич, сидевший все это время перед телевизором затаив дыхание, быстро поднялся с кресла и направился к себе в номер. Побросав в сумку необходимые вещи, он молча прошел мимо дежурного врача и, никому ничего не сказав (Житкевич-старший привык все решения принимать самостоятельно), покинул стены своей комфортабельной тюрьмы. В последнее время Николай Васильевич именно так, тюрьмой, и называл этот наркологический диспансер, добавляя иногда — для раз-

нообразия, — что пребывает на лечении в эксклюзивном месте для безвольных лентяев... Врачи, понимая, что этот солидный мужчина преклонного возраста не только выведен из состояния запоя, но и полностью приведен в норму, не спорили с пациентом. Они не могли не видеть, что психологическая зависимость от рюмки в нем ослабела, почти исчезла, однако оставили его здесь еще на месяц по просьбе сына, который оплатил лечение, желая проверить, насколько закрепился эффект терапии. Сейчас доктора клиники не собирались препятствовать уходу Житкевича, но, разумеется, все выглядело бы совсем иначе, если бы больной не считался ими полностью готовым к выписке.

— Борис Викторович, Житкевич уходит, — тихо проговорил в трубку прямого переговорного устройства дежурный врач.

— Пусть идет, — последовало в ответ негромкое распоряжение. — Нам все равно пришлось бы его отпустить в этих обстоятельствах. Ты ведь слышал, Женя?..

Молодой ординатор кивнул, он тоже следил за последними известиями и знал, что сын Житкевича собирался на днях улететь в Китай...

А тем временем Николай Васильевич, даже не подозревавший, что в другой ситуации его непременно задержали бы уже при выходе из корпуса (он не дошел бы даже до проходной), упруго и размашисто шагал по шоссе. На же-

лезнодорожной станции Житкевич сел в первую же электричку и поехал в Москву. Была уже глубокая ночь, когда Николай Васильевич добрался до квартиры сына. Стараясь не будить Настеньку, Житкевич до утра просидел на кухне, а в восемь проводил внука в детский сад и поехал в китайское посольство.

Вечером, приехав ни с чем, Николай Васильевич рассказал Насте о катастрофе. У девушки опустились руки, на него же самого страшное известие, напротив, подействовало мобилизующе, его реакция была вполне мужской и правильной — собрать все силы, действовать во что бы то ни стало, надеяться до последнего и искать, искать, искать Антона... Все последующие дни Житкевич оставался бодр, полон сил и энергии. Он принял решение посвятить себя воспитанию внука и с этого дня забыл о водке.

Костик узнал новость об отце последним. Разумеется, он не мог еще осознать всех размеров своей утраты; ему сообщили только, что папа заболел, из командировки вернется попозже. Но у ребенка, фактически выросшего без матери, было обостренное чувство любви и потери. По лицам взрослых, по заплаканным Настиним глазам Костик не то чтобы догадался, а скорее почувствовал: случилось что-то по-настоящему серьезное. Мальчик потянулся к деду всей душой, а ведь знал его до этих пор совсем мало.

Для отца Антона и его сына авиакатастрофа китайского

лайнера была личной, ни с чем не сравнимой трагедией. Зато Светлана, жена Антона и мать Костика, вначале восприняла известие о крушении самолета почти как благоую весть. Для нее смерть Антона являлась внезапным освобождением и разрешением всех проблем.

Они с Сергеем узнали о случившемся едва ли не самыми первыми. Сергей тут же принялся нервно названивать в аэропорт. В справочной отвечали уклончиво: список погибших уточняется, окончательные данные китайской стороной еще не предоставлены...

Сев в машину, Сергей со Светланой помчались в Шереметьево. Сергей понимал, что, скорее всего, толку от этого мало — так, неумелая попытка сделать хоть что-нибудь и успокоить собственную совесть, — но он хотел лично поговорить с администратором, узнать, к кому обращаться, выяснить, есть ли хоть какая-то надежда... Сергей взял с собой Светлану, потому что она по-прежнему официально значилась женой Антона и у нее были нужные документы.

Потолкавшись у стоек, они наконец нашли дежурного по аэропорту. Тот старался держаться как можно более ровно, предложил поговорить с местным психологом и сказал, что точные сведения о катастрофе поступят позже.

По дороге обратно, когда они, устав от бесполезных блужданий по кабинетам, мчались по пустому ночному шоссе домой, Светлана внезапно начала рыдать. «За что мне

такое?! — кричала она. — Он меня бросил, оставил почти без средств. Как он мог?» Сергей раздраженно прикрикнул на нее: «Очнись, что ты несешь? Человек, может быть, погиб, а ты только о себе думаешь. У тебя сын есть, о нем подумай! И рано еще мужа твоего хоронить. Там же трое мужчин выжили. Надо лететь в Китай, а не кликушествовать здесь».

Сергей, не задумываясь, почти машинально бросал ей какие-то правильные, нужные в этот момент слова, а сам думал про себя, что Антон оставил ему в наследство свою истеричную дуру, и теперь уже ему точно от Светки не отвязаться и придется всю жизнь с ней мучиться...

Совершая все эти продиктованные нормальной человеческой реакцией действия, разговаривая с людьми, Сергей в глубине души постоянно взвешивал последствия произошедшей катастрофы для только что возникшей фирмы и для себя лично. Оказывается, провидение, вмешавшись в судьбу Антона, основательно позаботилось о будущем Сергея.

Антон оставил ему право вести переговоры, практически все документы, всю информацию — он ведь всегда был доверчивым, совсем не умел просчитывать риски. У Сергея остался также солидный пакет акций. Вторая половина по закону должна была перейти Светлане и ее сыну. Существовала еще какая-то персона, заинтересованная в прибы-

лях новой фирмы, — Сергей не успел толком вникнуть, кто это. Чья-то внучка, дочка... в общем, черт ее знает кто. Выяснение этого можно было оставить на потом; Антон говорил: это что-то семейное, значит, тоже завязано на Светку... Получалось, практически все денежки поплывут в руки к нему, к Сергею, полновластному и теперь единственному распорядителю фирмы. Он, единственный теперь, имел право вести переговоры, подписывать контракты, принимать решения; Антон выдал ему это право сразу после регистрации их новой фирмы. К тому же Сергей почти в совершенстве знал китайский язык. Предполагать, что безмозглая и ленивая Светлана захочет всерьез заниматься делами, было бы просто смешно. Значит, теперь он сможет выстроить бизнес так, как ему захочется. Он — настоящий, а не номинальный хозяин. И фирма и бизнес принадлежат ему.

Получалось, китайская катастрофа для Сергея — просто подарок судьбы. Такое бывает раз в жизни...

«Вероятность того, что Антон выжил при падении с такой высоты и уцелел после пожара, минимальна, — рассуждал Сергей. — Но в Китай на опознание все-таки надо лететь, и как можно быстрее. Информацию о том, что четверо человек выжили в катастрофе, нужно проверить».

Приняв решение, Сергей окончательно обрел свою всегдашнюю невозмутимость. Светлана же немного успокоилась лишь наутро, когда собиралась в китайское посольст-

во подавать документы на выездную визу. В первый момент, узнав новость, она растерялась, затем мгновенно и как-то постыдно обрадовалась, потом, на ночном шоссе, впала в непонятную панику: ей казалось, что жизнь кончена, что Антон подло поставил ей подножку в тот самый момент, когда ее судьба была почти устроена. Но теперь, безмятежно проспав остаток ночи и совершенно успокоившись, Светлана строго приказала себе радоваться. Все к лучшему. Выжить после такой катастрофы невозможно. Антон наконец-то освободил ее от тягостного и ненужного супружества. Она долго бы еще тянула с разводом, не решаясь что-либо предпринять, но судьба распорядилась иначе.

«Антошку, конечно, жаль, — Светлана сентиментально вздохнула и уронила несколько слезинок, — но ничего. Он был таким наивным, любящим, совсем не злым. И кто виноват в том, что она его не любила и никогда не смогла бы полюбить так, как любит Сережу...»

В общем, легкий, почти приятный укол совести Светлана все же ощутила, но после этого к ней пришло и внутреннее облегчение. Все чувства и мысли перемешались, но разбираться в них было некогда. Да она и не любила копаться в себе, никогда не загрузалась бесплодными раздумьями.

Визу Светлане Житкевич и Сергею Пономареву дали

уже на следующий день, они поспешно стали собираться в дорогу. Сергей предупредил партнеров, чтобы их встретили в пекинском аэропорту, а в гостинице забронировали два номера.

Он еще раз жестко напомнил Светлане, что ей необходимо вести себя прилично и — главное — до конца выдерживать роль безутешной вдовы. «Я для тебя почти чужой человек, просто партнер мужа, и только», — методично и настойчиво внушал он растерявшейся женщине. Светлана согласилась с ним, но просила не оставлять ее без поддержки — она боялась забыться и запутаться. Светлане было по-настоящему страшно, ее по-прежнему бросало из стороны в сторону. То она действительно злилась на Антона — ей казалось, что он во всем виноват и чуть ли не нарочно подстроил ей это испытание, — то ее начинала душировать острая жалость к нему и к себе. Она вспоминала, как он ее любил, как доверял ей, как легко его было обмануть. Вспоминала его лицо, руки, родинку на левом плече, смешную ямочку под коленкой — все те пустые и нежные мелочи, которые могут быть известны о мужчине женщине, долго делившей с ним постель, бывшей ему по-настоящему близкой, даже если эта близость потом ушла навсегда.

Светлана то и дело вновь начинала истерично рыдать, требовала сочувствия, преданно и беспомощно заглядывая в окружающим в глаза. От сумбура чувств и творившегося в

душе смятения у нее не было сил куда-то лететь. Она не представляла, как будет разговаривать с чиновниками, как будет смотреть на искалеченных людей и опознавать кого бы то ни было. Светлане казалось, что никто ее не понимает, искренне ей не сочувствует, не говорит настоящих слов утешения.

* * *

Компания «Чайна лайн» сделала Светлане и Сергею специальный билет, и уже через сутки после получения визы они прилетели в Пекин. Сергей держался уверенно, здесь все ему было знакомо с детства; Светлана же притихла, оробела и только то и дело крутила головой по сторонам. Все было незнакомым, чужим, но при этом каким-то невероятно близким, словно ты вернулся в страну своего детства или город, который уже успел подзабыть: просторные проспекты и огромные площади, так сильно напоминавшие гигантоманию родной Москвы, лозунги на кумаче с профилями Маркса, Энгельса и Ленина, изображения Сталина и Мао.

Светлана с интересом смотрела на мелькавшие за окном автомобиля урбанистические пейзажи, и ее волнение постепенно начало проходить. Она почти успела забыть, по какой причине оказалась в этом азиатском городе. Однако Сергей был настороже и не давал ей слишком громко и без-

заботно щебетать в машине, то и дело останавливая взглядом или же незаметным поглаживанием руки. Он не хотел вызывать закономерного недоумения шофера-китайца, который знал, что сопровождает вдову несостоявшегося российского партнера их фирмы.

Приняв душ в гостинице и переодевшись, они, после легкого завтрака, немедленно отправились в клинику. Тот же шофер доставил их к дверям огромного серого здания главной травматологической больницы Пекина. В отделе реанимации, где лежали выжившие жертвы авиакатастрофы, было тихо и пустынно. В ярко освещенных, чистых больничных коридорах, которые мало чем отличаются друг от друга во всем мире, слышалась тихая речь и приглушенное жужжание приборов; специфический медицинский запах нес в своем китайском варианте лишь едва уловимую примесь каких-то восточных благовоний.

Светлане и Сергею предстояло провести опознание двух выживших пассажиров мужского пола. Третий парень, молодой китаец, был в сознании, и его в расчет не брали.

Их провели в реанимационную палату, где стояла одна-единственная кровать. На ней лежал очень полный мужчина средних лет европейского вида. Его тело было опутано проводами и прикрыто простыней, часть лица скрывала повязка. Человек тяжело дышал и явно был без сознания. По очертаниям крупной рыхлой фигуры, по широким, не

закрытым простыней ступням, по короткопалым рукам, покрытым седыми волосками, Светлана с Сергеем мгновенно поняли, что этот человек никак не может быть тем, кого они ищут. По возрасту он годился бы Антону в отцы.

У второй двери Светлана замерла и перекрестилась. Ее охватил настоящий ужас. В противоожоговой камере в глубоком забытии лежал молодой мужчина. Голова, шея, уши были густо покрыты белой мазью. Толстый слой специального средства скрывал черты лица, человек был как будто в маске. Глаза его были плотно закрыты, ресницы опалены, и лишь выходящие из носа и рта трубки свидетельствовали о том, что в пациенте еще теплится жизнь.

По росту, по общему очертанию тела он напоминал Антона. Обгоревшая кожа на груди и ногах была покрыта салфетками с мазями различных цветов, и Светлана сквозь наворачивающиеся на глаза слезы могла разглядеть лишь что-то вроде оранжевой облепихи — белоснежную медицинскую присыпку, обгоревшее коричневое мясо, прозрачные водянистые пузыри...

Заметив, как русская женщина покачнулась, едва не упав в обморок, стоявший рядом китайский врач придержал ее и спросил через переводчика, были ли у Антона Житкевича какие-нибудь особые приметы. Светлана отрицательно замотала головой: ни больших родимых пятен, ни бородавок, ни шрамов — ничего этого не было. Кому ж

это и знать, как не родной жене! Правда, у Антона были очень изящные, хрупкие, словно у женщины, ступни ног и кисти рук, но все эти части тела оказались в послеожоговых отеках, по ним ничего не определишь.

— Мы хотели бы задать вам конкретный, прямой вопрос, — медленно произнес медик, и переводчик, с трудом подбирая русские слова, выполнил свою работу. — Думаю, все ваши сомнения сейчас рассеются. Скажите, у вашего мужа были татуировки?

Светлана недоуменно и с каким-то облегчением замотала головой. Ее слезы высохли.

— Да бог с вами! Муж никогда бы не стал заниматься подобными глупостями. Он относился ко всем этим молодежным штучкам с большим пренебрежением, был противником всякого украшательства и абсолютно не интересовался модой. Он ученый, исследователь, а не какой-нибудь там рокер-музыкант.

— Тогда взгляните сюда. — И две хорошенькие медсестры, похожие друг на друга как две капли воды, по знаку врача быстро приоткрыли камеру и очень бережно, за одно плечо приподняли больного. На спине мужчины имелась татуировка — здоровенная лукавая морда черного кота.

«Вот чертяка! Выжил-таки!» — ахнул про себя Сергей. Если бы Светлана в этот миг смотрела на него, то, вероятно, она догадалась бы, о чем он думает. Но жена Антона не

могла оторвать глаз от больного, она с изумлением смотрела на татуировку и почти любовалась ею. Надо же, как мастерски выполнена, как изобретательно нарисована, с невольным восхищением отметила она. Это был настоящий шедевр — от любого движения мускулов, от малейшего поворота спины казалось, будто морда кота меняла свое выражение: кот двигался, шипел, подмигивал, словом, был как живой... Однако, быстро опомнившись, Светлана разочарованно развела руками, и медсестры, осторожно опустив больного, снова закрыли камеру.

Теперь все сомнения Светланы разом улетучились. Этот человек, немного похожий на Антона Житкевича, никак не может быть ее мужем. Это ясно как белый день, тут даже и обсуждать нечего.

Светлана решительно повернулась и вышла из палаты. А Сергей, почти потерявший дар речи от всего происходящего, еще несколько минут оставался рядом с барокамерой. Он не мог понять, почему так внимательно и тревожно смотрит на него китайский врач, но предпочел не выдавать своего знания языка и так и не промолвил ни слова.

Внизу, в регистратуре, полицейский оформил протокол опознания. Светлана уверенно подтвердила, что оба пострадавших в авиакатастрофе ей абсолютно незнакомы.

Через два дня Сергею и Светлане выдали маленький цинковый ящик с останками, которые принадлежали кому-

Олег Рой

то из пассажиров злополучного рейса. Понятно было, что это фрагмент общей могилы, однако ничего другого китайские власти предложить не могли. Цинковую капсулу повезли в Россию.

По дороге в аэропорт Светлана плакала, ей было страшно в чужой стране и отчего-то очень жалко себя. Мелькавшие за окнами машины, трепавшиеся на ветру кумачовые полотнища, огромные иероглифические надписи и новые чистые улицы Пекина теперь оставляли ее совершенно равнодушной. Светлана покидала Китай, чувствуя странное отвращение к этой стране. Люди и сам дух Азии казались ей враждебными и коварными.

Отец Антона, Николай Васильевич Житкевич, настоял, чтобы останки сына захоронили рядом с могилой матери, в ограде, на Кунцевском кладбище. Через год здесь был поставлен памятник — общий для матери и сына. Сюда приходили лишь те, кто оставался по-прежнему близок Антону, кто тосковал по нему и помнил его живым, — отец, сын Костик и Настенька.

■ ЧАСТЬ I

Глава 1

Я вижу их всех точно сквозь дымку времени — Антона, Сергея, Светлану... Настало время признаться: я хорошо знаю их, они были моими друзьями, мы даже учились в одном классе — те, о ком я сейчас пишу. И все же, вспоминая эту историю, все время думаешь о ее нереальности. Слишком много странного и жестокого произошло с этими людьми. Слишком сильно изменило их время. Слишком хорошо я прочувствовал их удачи и падения, свершения и потери... Только если вам вдруг покажется, что вы тоже узнали этих людей, прошу вас, не торопитесь с выводами. Как говорится, аллюзии запрещены. Поверьте, вы не могли знать моих героев. Вы с ними никогда не встречались...

Стоит мне только закрыть глаза, и я вижу ее, Светлану, — худенькую длинноногую девушку, легкую и пугливую лань с большими глазами, гибкую опасную кошечку. Она всегда была такой, всегда напоминала красивого и

опасного зверька — с самого детства. Мать Светланы была обыкновенной закройщицей в ателье, с небольшим окладом, с вечными долгами и унижительным «дотягиванием» от полочки до полочки. Женщина старалась изо всех сил, чтобы дочка выглядела не хуже других и ни в чем не нуждалась, но это получалось у нее не всегда.

В те времена в столичном центре обеспеченные девочки-подростки уже всюю щеголяли обновками из валютной «Березки», красились дорогой косметикой, привезенной родителями или знакомыми из-за рубежа, сходили с ума по модным дискам. Мать Светы, хоть и работала сверхурочно, брала заказы на дом, перекраивала из старой одежды для дочери юбки, брюки, иногда даже пальто и куртки, все равно денег отчаянно не хватало. И острая нехватка их, при всей изобретательности, мастерстве и трудолюбии матери, сказывалась постоянно, прежде всего на одежде девочки.

Именно бедность, которую нельзя было ни скрыть, ни замаскировать, чуть не испортила Свете отношения с ребятами в нашем классе. Девочка от природы была одарена хорошей памятью и старательностью, мать привела ее в одну из лучших школ района в пятом классе. Это был тот самый возраст, когда к обычной детской жестокости прибавляется еще и подростковая неуправляемость, желание найти чужака в стае и показать свое преимущество перед ним, но Светина мама, разумеется, об этом не думала. Зато

ее девочке пришлось столкнуться со всем этим довольно быстро.

Света еще не успела привыкнуть, оглядеться, как в первую же неделю сентября ее поджидал серьезный удар по самолюбию. Классная руководительница Валентина Ивановна объявила во всеуслышанье список «бесплатников» на обеды в школьной столовой. В восьмидесятые годы, на закате социализма, в нашей стране так было еще принято: если средний оклад в семье составлял менее восьмидесяти рублей на человека (а тем более если семья была неполной, с одним родителем, как у Светы) да если прибавлялось еще и соответствующее письмо-ходатайство от предприятия, ученика ставили на довольствие и кормили в школе за счет государства. Список ребят от нашего класса оказался коротким, он состоял всего из одной фамилии. И это была фамилия Светы — Журавина.

Весь класс, и главным образом девочки, на перемене поднял новенькую на смех. До ее прихода в коллективе не было детей из неимущих семей. И нашим благополучным девчонкам — школа-то была центральная, в одном из арбатских переулков — такое явление показалось диким, а чужая бедность какой-то постыдной. И девочки, пошептавшись во время первого же большого перерыва между уроками, собрались вокруг Светы Журавиной сначала молча,